

Мир науки. Социология, филология, культурология <https://sfk-mn.ru>

World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies

2020, №3, Том 11 / 2020, No 3, Vol 11 <https://sfk-mn.ru/issue-3-2020.html>

URL статьи: <https://sfk-mn.ru/PDF/25FLSK320.pdf>

Ссылка для цитирования этой статьи:

Медведкина К.А., Михайловская Е.С. Сопоставительный анализ прагматических функций перволичных местоимений в англоязычных и русскоязычных академических текстах // Мир науки. Социология, филология, культурология, 2020 №3, <https://sfk-mn.ru/PDF/25FLSK320.pdf> (доступ свободный). Загл. с экрана. Яз. рус., англ.

For citation:

Medvedkina K.A., Mikhaylovskaya E.S. (2020). Comparative analysis of pragmatic functions of first person pronouns in English and Russian academic texts. *World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies*, [online] 3(11). Available at: <https://sfk-mn.ru/PDF/25FLSK320.pdf> (in Russian)

УДК 81'33

ГРНТИ 16.31.02

Медведкина Ксения Александровна

ФГАОУ ВО «Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова», Архангельск, Россия
Доцент кафедры «Английской филологии, языков северных стран и лингводидактики»

Кандидат филологических наук

E-mail: k.medvedkina@narfu.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2753-7783>

РИНЦ: https://www.elibrary.ru/author_profile.asp?id=642611

Михайловская Екатерина Сергеевна

ФГАОУ ВО «Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова», Архангельск, Россия
Старший преподаватель кафедры «Английской филологии, языков северных стран и лингводидактики»

Кандидат филологических наук

E-mail: e.mihajlovskaya@narfu.ru

РИНЦ: https://www.elibrary.ru/author_profile.asp?id=923416

**Сопоставительный анализ прагматических
функций перволичных местоимений в англоязычных
и русскоязычных академических текстах**

Аннотация. Интерес к обозначенной в заглавии статьи проблематике продиктован тенденциями к глобализации, которые неизбежно ставят исследователей в разных отраслях научного знания перед необходимостью публикации результатов своей научной деятельности в мировых изданиях, индексируемых в международных наукометрических базах данных. Этим объясняется внимание лингвистов к сопоставительному анализу риторических структур и стилистических черт научного дискурса в разных лингвокультурах.

Контрастивная (а позднее – межкультурная) риторика ориентирована в том числе на исследование специфики выражения авторской идентичности в текстах различной жанровой направленности средствами разных языков.

В рамках данной статьи авторы предпринимают попытку провести сопоставительный анализ частотности употребления маркеров авторской идентичности и их прагматических функций в тексте научной статьи по лингвистике в русском и английском языках. В качестве основной теоретической предпосылки анализа выступают исследования, рассматривающие перволичные местоимения в качестве ключевой манифестации авторского присутствия в

научном тексте. В статье описываются прагматические функции личных и притяжательных местоимений 1-го лица как средств конструирования авторской идентичности в академическом тексте.

Проведенный анализ демонстрирует общность черт в репрезентации автора научного текста в роли исследователя, представителя сообщества, гида по тексту и создателя нового знания в англоязычных и русскоязычных статьях. Ключевое отличие состоит в существенной разнице в частотности эксплицитной саморепрезентации автора в ролях создателя текста и выразителя мнения в английском и русском корпусах.

Полученные данные позволяют предположить, что существующие различия в способах и частотности текстовой актуализации субъекта в русскоязычной и англоязычной лингвокультурах с течением времени нивелируются в результате интеграционных и глобализационных процессов.

Ключевые слова: прагматическая функция; перволичные местоимения; контрастивная риторика; академическое письмо; авторская идентичность; самоупоминание; лингвокультура

Введение

Тенденции к глобализации влекут за собой в том числе все более активную интеграцию ученых в международное научное сообщество. Необходимость публикации результатов своей научной деятельности в ведущих мировых изданиях, индексируемых в высокорейтинговых базах цитирования, ставит перед исследователями новые задачи. В этой связи представляет интерес рассмотрение риторических структур и стилистических черт научного дискурса в разных лингвокультурах.

В последние годы появилось значительное число работ, посвященных сопоставительному анализу различных языковых особенностей научного дискурса на материале разных языков (см., например, [1–7]).

С одной стороны, подобные исследования направлены на решение вполне утилитарной задачи – они ориентированы на развитие прагматической компетенции авторов научных текстов и позволяют скорректировать наполнение курсов по английскому языку для академических и профессиональных целей (EAP как направлению ESP), довольно массово востребованных как обучающимися (в основном на уровне магистратуры и аспирантуры), так и преподавателями, заинтересованными в публикации результатов своей научно-исследовательской работы.

С другой стороны, внимание к такого рода исследованиям обнаружилось со стороны контрастивной (позднее межкультурной) риторики, нацеленной на сопоставительный анализ межъязыковых и межкультурных различий в построении научных текстов в разных языках с учетом принятых в этих лингвокультурах риторических традиций. Изучение особенностей выражения авторской идентичности в научном дискурсе в разных языках представляет собой одно из перспективных направлений подобных исследований.

В последнее время ученые пришли к мысли о том, что академическая проза не является безличной, в ней проявляется авторская идентичность, выраженная наряду с иными средствами при помощи местоимений первого лица. Эта риторическая стратегия, с одной стороны,

позволяет автору обозначить свой вклад в выработку нового знания, установить отношения с читателем, а с другой подразумевает значительную степень ответственности за все сделанные выводы и утверждения. Самоупоминание является одной из центральных прагматических особенностей академического дискурса потому, что оно позволяет не только организовывать текстовое пространство, но и участвует в создании авторской идентичности.

Целью настоящей статьи является сопоставительный анализ частотности употребления маркеров авторской идентичности и их прагматических функций в тексте научной статьи по лингвистике в русском и английском языках.

1. Обзор литературы

Контрастивная риторика, обнаруживая некоторое сходство со слабой формой гипотезы лингвистической относительности Сепира – Уорфа, рассматривает языки как различающиеся не только с точки зрения фонологии, морфологии и грамматики, но и по способам организации дискурсов и соответствующим их типологической принадлежности риторическим приемам, доступным носителям языков.

В 1966 году американский лингвист Роберт Каплан провел анализ более 600 письменных работ иностранных студентов, изучавших английский язык как второй, и обнаружил, что риторика и последовательность речемыслительных действий иностранного студента обманывают ожидания носителя языка [4]. Исследователь объяснил это тем, что логика *рег се* является культурным феноменом и основой риторики, она не универсальна, а значит, и риторика тоже. Она является культурно-специфичной, подвержена влиянию канонов и предпочтений и в зависимости от временного периода может варьироваться в рамках одной культуры [4]. Педагогическое по сути исследование Р. Каплана положило начало контрастивной риторике, создав предпосылку для углубленного и всестороннего изучения и сопоставления риторических традиций различных культур.

Двадцатью годами позднее М. Клайн опубликовал результаты своего проекта по изучению культурных различий в организации академических эссе, созданных носителями немецкого и английского языков [8]. Сравнивая тексты с позиций их иерархичности, линейности, целостности и симметричности, он пришел к выводу, что существующие отличия обусловлены различиями в образовательных системах и, следовательно, культурно-типичных интеллектуальных стилях мышления [8].

Со временем вместо термина *контрастивная риторика* в научный обиход было введено понятие *межкультурная риторика* для обозначения современных динамических межкультурных исследований (см. подробнее [9]). Таким образом, межкультурная риторика приобрела междисциплинарный характер, привлекая теоретическую и методологическую основы дискурсивного анализа, теории жанров, лингвистики текста, антропологии и других смежных направлений исследования.

Способы репрезентации субъекта научного текста выступают в качестве объекта лингвистических исследований с 80-х годов XX века [1–3; 6; 7; 10–16]. При этом изучение особенностей выражения авторской идентичности в научном дискурсе ведется как с позиции определения способов вербализации автора в научном тексте и описания маркеров субъекта научного дискурса, так и с позиции выявления прагматических функций личных местоимений как эксплицитных способов саморепрезентации автора научного текста. В ходе анализа прагматических функций или ролей местоимений как метадискурсивных приемов исследователи пользуются разным терминологическим аппаратом и разными методологическими принципами.

Одним из наиболее известных в научной литературе принято считать подход К. Хайланда, который описывает прагматические функции местоимений в зависимости от структурного компонента текста (постановка цели, описание методики, хода и результатов исследования и др.), в котором встречается данное местоимение [11]. Однако подобный подход едва ли применим для целей анализа в рамках настоящего исследования в силу того, что в отличие от принятой в англоязычной академической традиции канонической IMRAD структуры научной статьи, русскоязычные научные статьи представляют большее разнообразие с композиционной точки зрения.

Не менее авторитетной является точка зрения К. Флоттум, которая также анализирует прагматические роли актуализации автора научного текста посредством использования личных местоимений 1-го лица [17]. Кроме того, широко известен подход Р. Иваник, которая выделяет различные аспекты авторской идентичности в научном тексте, в том числе и путем обращения к социокультурному и институциональному контексту, к которым принадлежат авторы [18].

Ни в коей мере не умаляя значимости концепций упомянутых выше исследователей, отметим тем не менее, что за основу сопоставительного анализа особенностей выражения авторской идентичности в научном тексте в рамках настоящей статьи была взята классификация прагматических функций, предложенная Р. Танг и С. Джон [7]. Несмотря на то, что данный подход иногда подвергается критике из-за некоторой метафоричности выражения, мы полагаем, что исследования Р. Танг и С. Джон могут быть использованы в качестве теоретической основы при анализе материала исследования: во-первых, классификация носит универсальный характер (она не привязана ни к структуре статьи, ни связана с культурной принадлежностью автора статьи), во-вторых, классификация довольно подробно описывает роли, которые выполняет автор в научном тексте, и, наконец, описание ролей носит эксплицитный характер, а не основывается исключительно на интерпретации функций авторами концепции.

Р. Танг и С. Джон рассматривают понятие авторской идентичности, размещая в центре внимания личное местоимение 1-го лица, которое является самой очевидной манифестацией авторского присутствия в тексте [7]. Развивая идею Р. Иваник о континууме авторских Я [18], Р. Танг и С. Джон описывают личное местоимение как гетерогенную категорию, которая может вариативно представлять одну из шести идентичностей (или ролей) автора в академическом тексте, отличающихся по степени авторитетности авторского присутствия.

В рамках данного исследования предпринята попытка применения теоретических разработок вышеуказанных авторов к текстам научных статей, их сопоставительный анализ и интерпретация.

2. Методология и результаты

Материал исследования составляют отобранные методом сплошной выборки случаи самоупоминания автора в виде личных местоимений 1-го лица единственного и множественного числа во всех падежных формах, а также притяжательных местоимений во всех словоформах. Проанализированный корпус состоит из 40 текстов научных статей (20 на русском и 20 на английском языке).

В качестве критериев отбора текстов, составляющих корпус исследования, использовались следующие:

- жанровое единство;
- общее дисциплинарное поле;
- сопоставимый временной интервал;

- индивидуальное авторство;
- индексация издания в международных наукометрических базах данных;
- профессиональная аффилиация автора статьи.

Таким образом, в статье анализируются случаи эксплицитной саморепрезентации автора в виде личных и притяжательных местоимений в жанре научной статьи по лингвистике. Составившие корпус исследования статьи были опубликованы за последние 10 лет (с 2010 по 2020 годы). Принято считать, что в статьях, принадлежащих к разным областям научного знания, прослеживаются разные тенденции в употреблении перволичных местоимений. Для гуманитарной сферы использование личного местоимения 1-го лица единственного числа является приемлемым.

Все статьи имеют индивидуальное авторство, статьи, написанные коллективом авторов, не включались в корпус материала для исследования. Одним из ключевых критериев при отборе статей являлась индексация издания (как англоязычного, так и русскоязычного) в высокорейтинговых базах цитирования (Web of Science, Scopus). При этом при отборе статей для анализа не проводилось разграничение англоязычных авторов на носителей и не носителей языка в силу того, что современное научное знание глобально и транснационально и язык, на котором написана статья, нередко не совпадает с родным языком ее автора. Полагаем, что сам факт публикации статьи в ведущих научных изданиях и аффилиация автора (для анализа отбирались статьи, авторы которых имеют аффилиацию с британскими, американскими, австралийскими и новозеландскими вузами и научными организациями) свидетельствуют о том, что автор усвоил риторические традиции англосаксонского академического дискурса.

Общий объем статей составляет 374129 слов (217222 слова для англоязычных и 156907 для русскоязычных статей). Заметим также, что отбор словоформ производился методом сплошной выборки в каждой из структурных частей статьи, включая аннотацию, сноски и примечания. В общий корпус примеров не вошли лишь местоимения, встречающиеся при цитировании, т. к. подобные случаи не имеют отношения к выражению авторской идентичности.

Первый этап исследования заключался в отборе текстов в соответствии с описанными выше критериями, составлении корпуса исследования и выборке местоимений. На втором этапе исследования были определены прагматические функции местоимений в соответствии с их ролью в тексте. Как уже упоминалось выше, методологическую основу данного исследования составляет классификация «авторских ролей», предложенная Р. Танг и С. Джон [7].

Опишем, что представляет собой каждая из авторских ролей.

1. **Автор как представитель группы лиц** («I» as the representative) идентифицирует себя с неким сообществом, которое включает и читателя. Данная прагматическая функция реализуется в тексте посредством использования личного и притяжательного местоимений 1-го лица множественного числа и их падежных форм. Подобное использование местоимений является примером их нереперентного употребления, поскольку они обозначают группу лиц, не подлежащую параметризации по объему (подробнее см. [19]). Расширительное (генерализованное) мы / we, обозначающее некую группу лиц, в которую входит автор научной статьи, не сообщает читателю информации об авторе. Авторское, личностное присутствие, как и авторитетность, в этом случае сводится к минимуму.

2. **Автор как гид по тексту статьи** («I» as the guide through the essay) размещает себя и читателя в одной пространственно-временной плоскости, автор сопровождает читателя, привлекая его внимание к отдельным деталям текста статьи. Данная функция чаще всего реализуется посредством использования личных и притяжательных местоимений 1-го лица

множественного числа в инклюзивной форме и глаголов с семантикой зрительного восприятия: *see, note, observe, наблюдать, заметить, видеть* и т. д.

3. **Автор как архитектор статьи** (*«I» as the architect of the essay*) структурирует текстовое пространство, размещая информационные блоки в определенной последовательности, которая кажется ему наиболее подходящей для реализации исследовательской задачи. В данном случае мы можем наблюдать использование местоимений 1-го лица единственного и множественного числа и глаголов, относящихся к организации статьи или процессу написания текста: *I will concentrate on, I shall look into, далее мы представим, опишем, интерпретируем* и т. д. Маркерами этой функции также могут являться метаязыковые средства (*signposting phrases*), сопровождаемые местоимениями и призванные помочь читателю сориентироваться в пространстве статьи: *in the next section I argue, in this section I hope to provide, as I stated at the onset, we will start by describing, we will come back to this, I will sketch it out below, начну с, далее рассмотрим, в следующем разделе мы обратимся* и т. д.

К средствам организации текста мы также относим использование метаграфических средств – супраграфем – таких, как шрифтовое варьирование, в нашем случае – курсив, которые привлекаются с целью организации текста, выделения значимых в ходе описания исследования фрагментов и сопровождаются авторским комментарием *курсив мой*.

4. **Автор как исследователь** (*«I» as the recounter of the research process*) описывает в тексте статьи различные этапы проведенного им исследования. В данной функции может употребляться местоимение 1-го лица как в единственном, так и во множественном числе. Автор выполняет данную роль при обозначении этапов научной деятельности, предшествующей собственно написанию текста статьи (отбор материала исследования, проведение опроса и/или эксперимента, анализ результатов и т. д.). Поэтому местоимения в этой функции, как правило, используются в сочетании с глаголом прошедшего времени (*опросили, отобрали, познакомились, interviewed, analysed, conducted*). При этом употребляются глаголы с семантикой мыслительной деятельности или, в терминологии М. Халлидея, ментального процесса.

5. **Автор как выразитель мнения** (*«I» as the opinion-holder*) соглашается или не соглашается, полемизирует или выражает интерес к представленным в научном контексте фактам, информации или точке зрения. Позиция, которую разделяет или не разделяет автор, может быть подробно описана в тексте статьи, а может быть представлена лишь в виде ссылки на работу другого исследователя. При этом в данной функции также используются местоимения в форме единственного и множественного числа в сочетании с глаголами мыслительного действия (*думаем, полагаю, не склонны согласиться, disagree, suppose, share the opinion*).

6. **Автор как создатель нового знания** (*I as the originator*) выступает в качестве самой авторитетной из всех 6-ти ролей автора в тексте. Это функция максимального присутствия автора в тексте. Использование местоимений я / мы / I / we в этой функции маркирует то, что содержится в предложении как новое знание, оригинальная идея, созданные данным автором в данном тексте. Авторское я / мы / I / we именно в этой функции соответствует в чистом виде авторскому Я (автор как авторитетный источник содержания текста, создатель идеи) в концепции Р. Иваник [20, с. 26].

При анализе материала помимо обозначенных выше 6-ти прагматических функций, которые выполняют местоимения в научном тексте, в отдельную группу нами были отнесены все случаи выражения авторами благодарности (*acknowledgements*) в адрес коллег, студентов, рецензентов, организаций и т. д.

Следует отметить, что составление корпуса примеров, отбор и анализ местоимений методом сплошной выборки в ручном режиме, по мнению лингвистов, занятых подобного рода

исследованиями (см., например, [5]), представляет собой очень трудоемкий и длительный процесс. Кроме того, как оказалось, в ряде случаев мы столкнулись с местоимениями, выполняющими несколько функций в одном контексте, в результате чего абсолютные показатели использованных авторами местоимений и выполняемых ими функций не совпадают. Поэтому мы допускаем некоторый субъективизм и неоднозначность интерпретации при определении прагматических функций местоимений.

Проведенный анализ демонстрирует, что саморепрезентация автора научной статьи носит эксплицитный характер как в русском, так и в английском корпусах. В среднем на одну русскоязычную статью из проанализированного нами корпуса приходится 20,5 самоупоминаний автора, в англоязычных статьях – 28,2. Вопреки достаточно распространенному мнению о том, что эксплицитно выраженное авторское присутствие в тексте научной статьи значительно ниже в русскоязычных статьях [1; 2], мы обнаружили, что процент самоупоминаний автора в виде личных и притяжательных местоимений 1-го лица от общего числа слов в статье оказался одинаковым в каждом из корпусов и составил 0,26 %.

Показательным представляется также и то, что лишь в 1 из 20 проанализированных нами англоязычных статей не встретилось ни одного местоимения, маркирующего автора как субъекта (см. таблицу 2). Для русского корпуса это актуально для 2 статей из 20. В подобного рода случаях МЫ имеем дело с намеренным избеганием использования личных и притяжательных местоимений для обозначения автора текста и использованием бессубъектных конструкций, неопределенно-личных и безличных предложений.

Обратимся к таблице 1, в которой представлено общее количество самоупоминаний автора в виде личных и притяжательных местоимений 1-го лица и всех их падежных форм в единственном и множественном числе в мужском, женском и среднем роде.

Таблица 1

Употребление личных и притяжательных местоимений

	Русский корпус	Английский корпус
Местоимения первого лица единственного числа	81 (20 %)	323 (57 %)
Местоимения первого лица множественного числа	328 (80 %)	241 (43 %)
Всего словоформ	409	564

Как видно из таблицы 1, количество самоупоминаний автора в русскоязычных статьях отличается от данных из англоязычных статей, но несущественно. Если учесть, что общий объем проанализированных нами англоязычных статей превосходит объем русскоязычных текстов по количеству слов (217222 слова и 156907 слов соответственно), то мы получаем вполне сопоставимые данные.

Однако более интересным видится распределение местоимений по категории числа в каждом из корпусов. Если в английском корпусе мы можем наблюдать незначительное превалирование формы единственного числа над формой множественного, то в русском корпусе очевидна колоссальная разница в употреблении местоимений единственного и множественного числа: местоимения множественного числа используются в 80 % случаев и только в 20 % – местоимения единственного числа.

Предполагаем, что подобная разница в употреблении может быть объяснена русской риторической традицией, в которой избегание местоимения 1-го лица единственного числа является фиксированной нормой академического письма. Например, эта норма отражена в пособиях по написанию выпускных квалификационных работ для обучающихся: «При построении предложений, содержащих упоминание о себе, допустимо использование только местоимений первого лица множественного числа (мы, нам, нас) или заменяющего их слова

автор»¹. Полагаем, что именно на этапе обучения в вузе происходит освоение культурно-специфичных традиций и норм академической письменной речи.

В то же время в англоязычной академической традиции не содержится требований к приемлемому способу текстовой актуализации субъекта. Достаточно обратиться, например, к авторитетному Справочнику ассоциации современного языка², содержащему рекомендации по написанию научной статьи на английском языке в MLA формате и являющемуся нормирующим образцом по написанию научных статей в области гуманитарных наук. Предпочтение, отдаваемое местоимениям множественного числа русскими авторами, можно объяснить также стремлением автора научного текста выразить свое мнение в контексте принадлежности к определенному научному кругу, научной школе, представителем которой он выступает (см., например, [2; 21]).

С другой стороны, как отмечает И.Ю. Щемелева, активное использование местоимения множественного числа может свидетельствовать о желании автора вовлечь читателя в процесс интерпретации, вступить с ним в дискуссию [1, с. 146]. Подобная тенденция особенно ярко прослеживается в научных статьях, в которых автор маркирует себя и как *я/И*, и как *мы/we* в зависимости от контекста и своей роли в тексте, о чем подробнее пойдет речь ниже.

В качестве еще одного интересного наблюдения отметим, что в подавляющем большинстве случаев (в 13-ти статьях из 20-ти) в английском корпусе используются местоимения единственного и множественного числа в рамках одной статьи. В 3-х статьях автор маркирует себя, используя исключительно местоимения единственного числа, и еще в 3-х встречаются только формы местоимений множественного числа (таблица 2). В русском корпусе наиболее частотным выступает использование местоимений *мы/наш* и соответствующих словоформ. При этом лишь в 4-х текстах форма местоимения единственного числа используется наряду с формой множественного. Как уже отмечалось выше, полное избегание личных и притяжательных местоимений встречается редко как в русском, так и в английском корпусах.

Таблица 2

Сочетание местоимений единственного и множественного числа в рамках одной статьи

	Русский корпус	Английский корпус
Только местоимения единственного числа	-	3
Только местоимения множественного числа	14	3
Обе формы местоимений	4	13
Отсутствие местоимений	2	1

Теперь обратимся к прагматическим функциям личных и притяжательных местоимений, участвующих в создании авторской идентичности. Распределение местоимений по функциям представлено в таблице 3.

Таблица 3

**Распределение местоимений по функциям
в статьях русскоязычных и англоязычных авторов**

Функция	Русский корпус	Английский корпус
Автор как представитель группы лиц	56 (14 %)	78 (14 %)
Автор как гид по тексту статьи	36 (9 %)	47 (8 %)

¹ Выпускная квалификационная работа бакалавра по направлению подготовки «Журналистика»: метод. пособие. М.: Факультет журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова, 2015. С. 26.

² MLA handbook for writers of research papers (for high school and undergraduate students). – 7th ed. New York: The Modern Language Association of America. 2009. 292 p.

Функция	Русский корпус	Английский корпус
Автор как архитектор статьи	32 (8 %)	83(15 %)
Автор как исследователь	146 (36 %)	240 (42 %)
Автор как выразитель мнения	53 (13 %)	21 (4 %)
Автор как создатель нового знания	81 (20 %)	97 (17 %)

Как следует из таблицы 3, в качестве наиболее часто встречающейся роли в обоих корпусах выступает функция 4 – *автор как исследователь*, именно на эту функцию приходится максимальная доля от всех случаев использования личных местоимений как в англоязычных, так и в русскоязычных статьях (42 % и 36 % соответственно). Абсолютные показатели существенно отличаются в разных языках, но тем не менее можно предположить, что автор текста склонен позиционировать себя в этой роли вне зависимости от его принадлежности к той или иной лингвокультуре. Приведем несколько примеров:

*Были отмечены некоторые примеры, где маркеры телесного восприятия обнаруживались в постпозиции к непрямой номинативной группе, но такие проявления мы не учитывали при анализе.*³

*Данные ресурсы, по нашим наблюдениям, существуют в трех основных форматах: порталы (то есть сайты, содержащие большое количество дискурсов, создаваемых авторским коллективом), блоги (как правило, принадлежащие одному автору) и каналы YouTube (как правило, принадлежащие одному автору).*⁴

*I conducted two experiments in order to answer these questions.*⁵

*I rely on a notion of information flow.*⁶

Примечательным представляется то, что сами авторы классификации прагматических функций местоимений Р. Танг и С. Джон указывают на то, данная функция преобладает в том случае, когда автор описывает стадии проведенного эксперимента, этапы исследования, включающие разработку критериев, отбор и анализ материала [7]. Невзирая на несколько умозрительный характер большинства лингвистических исследований (как и в целом исследований в гуманитарной сфере), в жанре научной статьи автор считает необходимым подробным образом описать ход исследования, его стадии и этапы.

Несмотря на то, что авторы данной статьи в качестве исследовательской задачи не ставили перед собой необходимость проследить, в какой из структурных частей научной статьи встречаются личные и притяжательные местоимения в функции репрезентации автора как исследователя, отметим, что, как правило, в данном случае речь идет об основной части статьи (разделы *Methods and Materials*, *Results and Discussion*). Именно эти компоненты являются ядром текста научной статьи и представляют наибольший интерес для читателя.

Тот факт, что на роль автора как исследователя приходится максимальное число самоупоминаний автора в обоих корпусах, может быть объяснен все чаще встречающимися в современном академическом контексте требованиями к написанию статьи в формате IMRAD.

³ Киосе М.И. Текстовые показатели салиентности непрямых номинаций в русском языке: корпусный анализ // Вестник РУДН. Серия: ЛИНГВИСТИКА. 2019. Т. 23. № 1. С. 123.

⁴ Молодыхенко Е.Н. Метасемиотические проекты и лайфстайл-медиа: дискурсивные механизмы превращения предметов потребления в ресурсы выражения идентичности // Russian Journal of Linguistics. 2020. Т. 24. № 1. С. 124.

⁵ Parma A. Cross-Linguistic Transfer of Object Clitic Structure: A Case of L3 Brazilian Portuguese // Languages. 2017. Volume 2. Issue 3. P. 8.

⁶ Werner T. Tracking the parallelism of difference with ostension schemes // Language Sciences. 2017. Volume 62. P. 156.

Подобная структура статьи считается общепринятой в большинстве ведущих международных изданий, и в связи с наметившимися в последнее время тенденциями к вхождению российских исследователей в международное сообщество такая композиция научной статьи выступает в качестве рекомендуемой и в ведущих российских научных изданиях. Такие разделы, как Methods and Materials, Results and Discussion, Методика и материал исследования, Выводы и результаты и им подобные предполагают текстовую актуализацию субъекта именно в роли автора как исследователя.

Анализ распределения местоимений по другим функциям позволил установить, что как в русском, так и в английском корпусах второй по частоте является роль *автора как создателя нового знания* (функция б). В этой ипостаси автор выступает также в основном тексте статьи и эксплицитно выражает собственную точку зрения по исследуемой проблеме. Довольно часто местоимения в этой прагматической функции встречаются при формулировании гипотезы исследования, а также в выводах по работе.

По словам Р. Танг и С. Джон, это самая авторитетная из всех 6 предложенных ими авторских ролей, предполагающая максимальную степень ответственности автора [7] и поэтому характерная в большей степени для зрелых ученых. Позиция Р. Танг и С. Джон созвучна мнению К. Хайланда, который также считает, что помимо экспертного знания в профессиональной области эта роль требует от автора, использующего местоимение первого лица, определенной смелости и ответственности и, одновременно с этим, делает его крайне уязвимым для критики [11]. При этом автор, маркирующий себя местоимением первого лица в этой функции, делает акцент на новизне и оригинальности высказываемых идей, что, в сущности, и составляет отличительную особенность жанра научной статьи, например:

Но я до сих пор считаю, что модель эмоционально коммуникативной личности еще не создана, даже в самых общих чертах, а учитывая ускорение темпа жизни и увеличение во всем мире количества коммуникативных эмоциональных ситуаций (далее – КЭС), такая модель должна быть спроектирована хотя бы схематично, чтобы человек мог оперативно и эмоционально осмысленно, не через искаженный фокус восприятия, адекватно реагировать на своих речевых коммуникантов и на себя.⁷

I propose that each row of an ostension scheme is a channel of information and that columns are filters over these rows.⁸

I claim that the issues which Cann et al. (2012) (and similarly S&vL) point out stem from the choices made by the theorists in their model-constructions.⁹

Позволим себе поделиться наблюдением о том, что не смотря на то, что перед нами не стояла задача проведения сопоставительного анализа в подобном ракурсе, местоимения в этой роли либо полностью отсутствуют, либо представлены крайне незначительно в работах студентов, аспирантов и молодых ученых, тогда как в научных статьях, опубликованных в престижных научных изданиях, авторитетные ученые активно используют личные и притяжательные местоимения в этой роли.

Дальнейший анализ распределения местоимений по прагматическим функциям в тексте демонстрирует, что в случае функций 1 и 2 мы можем наблюдать примерно одинаковое распределение от общего количества всех местоимений в обоих корпусах. Роль *автора как*

⁷ Шаховский В.И. Когнитивная матрица эмоционально-коммуникативной личности // Russian Journal of Linguistics. 2018. № 22 (1). С. 60.

⁸ Werner T. Tracking the parallelism of difference with ostension schemes // Language Sciences. 2017. Volume 62. P. 156.

⁹ Nefdt R.M. Linguistic modelling and the scientific enterprise // Language Sciences. 2016. Volume 54. P. 52.

представителя группы лиц составляет 14 % как в русскоязычных, так и в англоязычных статьях. При этом это третья по частоте использования функция местоимений в русском корпусе. Думается, что использование местоимений в этой роли выступает в качестве средства реализации стратегии солидаризации в обеих лингвокультурах. Отметим также и то, что рамки (со)общества, которое представляет автор, могут варьироваться от профессиональной группы (например, коллег автора по университету) до научной школы или направления в изучении той или иной проблемы или даже человечества в целом. Кроме того, функция 1 может выступать как категория-гипероним по отношению к функции 2, если в тексте используется инклюзивное *мы/we*. Например:

*Сейчас мы являемся свидетелями информационно-психологической войны против России, в ходе которой целенаправленно демонизируется образ страны и ее президента.*¹⁰

*Различие, на котором настаивает автор данной статьи, имеет прямое отношение к тому, что мы преподаем.*¹¹

В данных примерах *мы* включает автора статьи, читателя и неопределенный по объему круг лиц.

*The question is why do we speak to creatures and objects that clearly do not hear, speak, read or write.*¹²

*Rather, we witness a range of facework behaviour in parliamentary debates: from face enhancement to face aggravation, and everything between.*¹³

Наиболее отчетливо автор проявляется в этой роли в тех статьях, к которых местоимения единственного числа используются наряду с местоимениями множественного числа (см. таблицу 2). Становится очевидно, что, с одной стороны, автор позиционирует себя как исследователя, выразителя мнения и создателя нового знания и, с другой, маркирует свою принадлежность к группе.

Обратимся к функции 2 *автор как гид по тексту*. Анализ показал, что расхождение в процентном соотношении по использованию местоимений в этой функции несущественно и составляет соответственно 9 % и 8 %. Как в русскоязычном, так и в англоязычном корпусе примеров используются инклюзивные местоимения, которые превращают читателя в активного участника научной дискуссии:

*Так, в примере (16) мы наблюдаем ложное оперирование понятиями (военное вторжение в Сирию), подмену понятий и бездоказательное утверждение о том, что цель Москвы – поддержка армии Асада, а не борьба с терроризмом.*¹⁴

¹⁰ Озюменко В.И. Медийный дискурс в ситуации информационной войны: от манипуляции-к агрессии // Вестник РУДН. Серия: ЛИНГВИСТИКА. 2017 Vol. 21. № 1. С. 205.

¹¹ Хазагеров Г.Г. Риторика, грамматика, словообразование // Вестник РУДН. Серия: ЛИНГВИСТИКА. 2018. Vol. 22. № 2. С. 366.

¹² Bade D. Signs unsigned and meanings not meant linguistic theory and hypothetical, simulated, imitation and meaningless language // Language Sciences. 2012. Volume 34. P. 371.

¹³ Archer D. Negotiating difference in political contexts: An exploration of Hansard // Language Sciences. 2018. Volume 68. P. 22.

¹⁴ Озюменко В.И. Медийный дискурс в ситуации информационной войны: от манипуляции – к агрессии // Вестник РУДН. Серия: ЛИНГВИСТИКА. 2017. Vol. 21. № 1. С. 209.

*We have already seen that lexical bundles in academic prose tend to consist more of nominal fragments than parts of clauses.*¹⁵

*As we saw before, no notion or process of de-idealisation is present in this approach.*¹⁶

Заметим, что полученные данные в некоторой мере противоречат утверждению о том, что «степень диалогизации русскоязычных статей значительно ниже англоязычных» [22, с. 181]. Следует, однако, иметь в виду, что речь в данной статье идет только об использовании инклюзивного местоимения как средства диалогизации. Другие средства (риторические вопросы, ссылки на общеизвестную информацию, пояснительные вставки и речевые акты директивы) не входили в поле исследовательского интереса в рамках данной статьи.

Вызывает интерес анализ использования местоимений в функции 3. В функции *автор как архитектор статьи* можно наблюдать существенную разницу в использовании местоимений.

Англоязычные исследователи почти в два раза активнее эксплицируют себя именно в этой роли. Чаще всего эта функция реализуется в сочетании местоимения с глаголом и метаязыковых указателей, позволяющих читателю сориентироваться в текстовом пространстве. В русле межкультурной риторики это объясняется большей по сравнению с русскоязычными авторами ориентированностью англоязычных авторов на читателя, которая подразумевает в том числе и авторскую ответственность за правильность интерпретации результатов исследования читателем. Русскоязычные авторы демонстрируют большую ориентацию на автора, вероятно, полагая, что читатель и сам может сориентироваться в тексте статьи и прийти к верным выводам. Приведем несколько примеров использования местоимения в описываемой прагматической функции:

*Начну с перечня характеристик, которые вкладывал в это понятие Г.И. Богин (Богин 1984), сопровождая их **моими** комментариями.*¹⁷

*In the next section, I attempt to explain some of the issues in terms of the modelling choices.*¹⁸

*I will touch on these matters in a final section of the paper.*¹⁹

И, наконец, перейдем к функции 5 *автор как выразитель мнения*. В данном случае мы имеем возможность наблюдать обратную тенденцию: местоимения в данной роли в русском корпусе встречаются практически втрое чаще, чем в английском (13 % и 4 % соответственно). С одной стороны, это свидетельствует о стремлении автора провести критический анализ существующих точек зрения и занять некоторую позицию. С другой стороны, это также может говорить о желании автора заявить о своей принадлежности к определенной группе мнений (в лице представителей научной школы), повышая тем самым авторитетность собственной позиции и (в ряде случаев) позволяя автору разделить ответственность за высказываемую точку зрения с теми авторами, к точке зрения которых он присоединяется (ср. замечание выше об

¹⁵ Oakey D. Phrases in EAP academic writing pedagogy: Illuminating Halliday's influence on research and practice // Journal of English for Academic Purposes. 2020. Volume 44. P. 7.

¹⁶ Nefdt R.M. Linguistic modelling and the scientific enterprise // Language Sciences. 2016. Volume 54. P. 49.

¹⁷ Шаховский В.И. Когнитивная матрица эмоционально-коммуникативной личности // Russian Journal of Linguistics. 2018. № 22 (1). С. 60.

¹⁸ Nefdt R.M. Linguistic modelling and the scientific enterprise // Language Sciences. 2016. Volume 54. P. 51.

¹⁹ Werner T. Tracking the parallelism of difference with ostension schemes // Language Sciences. 2017. Volume 62. P. 146.

авторитетном характере функции 6 и мнение К. Хайланда об уязвимости автора в этой прагматической роли), например:

*По моему мнению, В.В. Красных совершенно правильно и впервые предлагает термин именно «коммуникативная личность» (далее — КЛ), а не «языковая личность».*²⁰

*Я с такой логикой, по которой формы с одинаковыми функциональными и сочетаемостными свойствами относятся к разным сущностям, согласиться не могу.*²¹

*In this paper, I critique a recent claim made by Stokhof.*²²

В связи с тем, что личные и притяжательные местоимения 1-го лица были обнаружены в том числе и в разделе благодарностей (acknowledgements section), считаем необходимым уделить ему отдельное внимание. Можно предположить, что с точки зрения выполнения прагматических функций в этом разделе местоимения маркируют автора статьи как исследователя, но, с другой стороны, выражение благодарности вряд ли можно отнести к одному из этапов исследования, скорее оно является реализацией формулы академического этикета. Это обстоятельство не позволило включить местоимения из раздела благодарностей в одну из шести ролевых групп, хотя в общую статистику по местоимениям они вошли.

В структуре статьи раздел Благодарности традиционно занимает место после выводов и предшествует списку литературы. Он содержит выражение признательности лицам (иногда организациям), которые оказывали помощь в проведении исследования, высказали критические замечания по поводу текстуального или содержательного наполнения статьи. Далее, в этом же разделе, автор берет на себя всю ответственность за оставшиеся неисправленными гипотетические ошибки и неточности в тексте и заявляет: *all remaining faults are mine alone*. Это коммуникативное действие часто рассматривается как дисклеймер, который направлен на то, чтобы заранее оградить автора текста от возможных замечаний со стороны читателя.

*I would like to thank Ephraim Glick for reviewing a draft of this paper and providing detailed comments along the way.*²³

*I gratefully acknowledge the support of a Wenner-Gren Foundation Dissertation Fieldwork Grant as well as a Spencer Foundation Dissertation Fellowship.*²⁴

*This paper has benefitted greatly from the insightful comments of the guest editor, Alexander Haselow, two anonymous reviewers, and John Vice (Editor of Lords Hansard). Any remaining infelicities are mine.*²⁵

*Я благодарю коллег А. Барентсена, С. Ю. Дмитренко, Н. Н. Казанского и А. К. Оглоблина, прочитавших рукопись этой статьи и сделавших ряд полезных замечаний, которые я постарался учесть при подготовке рукописи к печати.*²⁶

²⁰ Шаховский В.И. Когнитивная матрица эмоционально-коммуникативной личности // Russian Journal of Linguistics. 2018. № 22 (1). С. 67.

²¹ Храковский В.С. И опять о «болевых точках» категории вида // Вопросы языкознания. 2018. №1. С. 110.

²² Nefdt R.M. Linguistic modelling and the scientific enterprise // Language Sciences. 2016. Volume 54. P. 43.

²³ Nefdt R.M. Linguistic modelling and the scientific enterprise // Language Sciences. 2016. Volume 54. P. 56.

²⁴ Smith B. Turning language socialization ontological: Material things and the semiotics of scaling time in Peruvian Aymara boyhood // Language and Communication. 2016. Volume 46. P. 49.

²⁵ Archer D. Negotiating difference in political contexts: An exploration of Hansard // Language Sciences. 2018. Volume 68. P. 40.

²⁶ Храковский В.С. И опять о «болевых точках» категории вида // Вопросы языкознания. 2018. №1. С. 105.

В заключение я хотел бы выразить свою признательность Е.В. Горбовой за дискуссию, которая, на мой взгляд, подтвердила рациональность словоклассифицирующей трактовки русского вида.²⁷

Стоит отметить, что этот раздел обладает значимым прагматическим потенциалом, так как в нем происходит актуализация субъекта. Считается, что выражение благодарности некому лицу, с одной стороны, реализует стратегию позитивной вежливости по отношению к этому лицу, а с другой – повышает престиж самого автора, особенно, если лица, которым адресована благодарность, имеют значимый научный статус. Н. Харвуд рассматривает использование перволичных местоимений как саморекламу ввиду их персуазивности: они устанавливают связь между автором и его исследованием и убеждают читателя в том, что достигнутые им результаты достойны внимания [12, с. 1211]. Кроме того, выдвижение автора посредством использования местоимений в разделе благодарности позволяет продемонстрировать его осведомленность о конвенциях, принятых в академическом сообществе, установить право собственности на текст статьи, все выдвинутые гипотезы и сделанные выводы, а также маркировать принадлежность автора к научному сообществу, участвуя, таким образом, в конструировании идентичности автора.

Выводы и перспективы исследования

Итак, в результате сопоставительного анализа были выявлены не только различия, но и сходства в актуализации субъекта посредством перволичных местоимений в текстах русскоязычных и англоязычных статей по лингвистике. К основным отличиям относится существенная разница в частотности репрезентации автора в ролях создателя текста и выразителя мнения. При этом в обоих корпусах прослеживается ряд общих черт: репрезентация автора статьи в роли исследователя реализуется наиболее часто, представленность автора как члена сообщества, гида по тексту и создателя нового знания в процентном соотношении практически одинакова. Особенно важным наблюдением считаем то, что процент самоупоминаний автора в виде перволичных местоимений от общего объема статьи в обоих корпусах одинаков. Полученные данные позволяют предположить, что существующие различия в способах и частотности текстовой актуализации субъекта в русскоязычной и англоязычной лингвокультурах с течением времени нивелируются в результате интеграционных и глобализационных процессов.

Дальнейшие перспективы исследования видятся в сопоставительном анализе статей, принадлежащих к естественно-научным и техническим областям знания, ввиду того, что традиции текстовой актуализации субъекта могут обнаруживать отраслевую специфику. Кроме того, небезынтересным кажется проведение сравнительного анализа частотности использования перволичных местоимений и прагматических функций, реализуемых ими в академических текстах, в русле гендерной лингвистики. Это связано с тем, что в ходе текущего исследования были выявлены некоторые различия в использовании местоимений первого лица авторами мужского и женского пола. Также теоретического осмысления требует актуализация автора статьи в разделе благодарностей (Acknowledgements section) в связи с тем, что прагматическая функция местоимений в этом разделе не была установлена.

²⁷ Храковский В.С. И опять о «болевых точках» категории вида // Вопросы языкознания. 2018. №1. С. 116.

ЛИТЕРАТУРА

1. Щемелева И.Ю. Местоимения как средство передачи авторской позиции в английском и русском научных текстах // Вестник СПбГУ. 2013. Сер. 9. Вып. 4. С. 143–153.
2. Крапивкина О.А. Способы репрезентации субъекта в научном дискурсе // Известия ВГПУ. Филологические науки. 2015. № 9–10. С. 100–103.
3. Chen R. Single author self-reference: Identity construction and pragmatic competence // Journal of English for Academic Purposes. 2020. Volume 45. P. 1–14.
4. Kaplan R.B. Cultural thought patterns in inter-cultural education // Language Learning. 1966. Volume 16. P. 1–20.
5. Moreno A.I. Researching into English for research publication purposes from an applied intercultural perspective // English for Professional and Academic Purposes / ed. by M.F. Ruiz-Garrido, J.C. Palmer-Silveira, I. Fortanet-Gómez. Amsterdam – New York, 2010. P. 57–71.
6. Lorés-Sanz, R. ‘I will argue that’: First person pronouns as metadiscoursal Devices in RA abstracts in English and Spanish // ESP across Cultures. 2006. Volume (4) 3. P. 23–40.
7. Tang R., John S. The «I» in identity: Exploring writer identity in student academic writing through the first person pronoun // English for Specific Purposes. 1999. P. 23–39.
8. Clyne M. Cultural differences in the organization of academic texts // Journal of Pragmatics. 1987. № 11. P. 211–247.
9. Connor U. Introduction // Journal of English for Academic Purposes. 2004. Volume 3 (4). P. 271–276.
10. Bernhardt S.A. The writer, the reader, and the scientific text // Journal of Technical Writing and Communication. 1985. Vol. 15. № 2. P. 163–174.
11. Hyland K. Authority and invisibility: authorial identity in academic writing // Journal of Pragmatics. 2002. Volume 34. P. 1091–1112.
12. Harwood N. ‘Nowhere has anyone attempted ... In this article I aim to do just that’ A corpus-based study of self-promotional I and we in academic writing across four disciplines // Journal of Pragmatics. 2005. Vol. 37, № 8. P. 1207–1231.
13. Vassileva I. Who am I / who are we in academic writing? A contrastive analysis of authorial presence in English, German, French, Russian and Bulgarian // International Journal of Applied Linguistics. 1998. Vol. 8, № 2. P. 163–190.
14. Fløttum K., Dahl T., Kinn T. Cultural identities and academic voices // Language and discipline perspectives on academic discourse / ed. by K. Fløttum. Cambridge Scholars Publishing, 2009. P. 14–39.
15. Işık Taş E. “In this paper I will discuss...”: Current trends in academic writing // Procedia Social and Behavioral Sciences. 2010. Vol. 3. P. 121–126.
16. Sahragard R., Yazdanpanahi S. English Engagement Markers: A Comparison of Humanities and Science Journal Articles // Language Art. 2017. Volume 2(1). P. 111–130.

17. Fløttum K. Academic voices in the research article // Cross-linguistic and cross-cultural perspectives on academic discourse / ed. by E. Suomela-Salmi, F. Dervin. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2009. P. 109–122.
18. Ivanic, R. (1994). I is for interpersonal: Discoursal construction of writer identities and the teaching of writing // Linguistics and Education. 1994. Volume 6(1). P. 3–15.
19. Гранева И.Ю. О референтном и нереферентном употреблении местоимения мы // Филология. Искусствоведение Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2008. № 4. С. 206–209.
20. Ivanic R. Writing and identity: The discoursal construction of identity in academic writing. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 1998. 373 p.
21. Болдырева А.А. Категория авторитетности в научном дискурсе. Автореф. дисс. ... канд. фил. наук. Воронеж, 2006. 19 с.
22. Хутыз И.П. Типологические характеристики конструирования институционального дискурса в кросс-культурном пространстве // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2017. № 10 (76): в 3-х ч. Ч. 1. С. 180–183.

Medvedkina Ksenia Aleksandrovna

M.V. Lomonosov northern (arctic) federal university, Arkhangelsk, Russia
E-mail: k.medvedkina@narfu.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2753-7783>
РИНЦ: https://www.elibrary.ru/author_profile.asp?id=642611

Mikhaylovskaya Ekaterina Sergeevna

M.V. Lomonosov northern (arctic) federal university, Arkhangelsk, Russia
E-mail: e.mihajlovskaya@narfu.ru
РИНЦ: https://www.elibrary.ru/author_profile.asp?id=923416

Comparative analysis of pragmatic functions of first person pronouns in English and Russian academic texts

Abstract. Interest to the problem highlighted in the headline of the article lies in the trends towards globalisation. These trends motivate scholars in different branches of science to publish the results of their research in high-impact journals included into the international databases. It results in comparative linguistic analysis of rhetorical structures and stylistic features of academic discourse in different linguocultures.

Contrastive (later – cross-cultural) rhetoric is focused on investigating the peculiarities of expressing author's identity in the texts of different genres in different languages.

The authors of the article attempt to carry out a comparative analysis of the frequency of authorial identity markers and their pragmatic functions in the genre of scientific article on linguistics in Russian and English languages. The theoretical background of the analysis is the research describing first person pronouns as a key manifestation of authorial presence in the academic text. The article contains an analysis of pragmatic functions of personal and possessive pronouns of the 1st person as means of constructing author's identity in the academic text.

The analysis demonstrates certain similarities in the author's representation in the roles of the author as the recounter of the research process, as the representative, as the guide through the essay and as the originator in English and Russian articles. The key difference is a significant gap in the explicit authorial self-representation between the roles of the author as the originator and the author as the opinion-holder in English and Russian corpora.

The results of the analysis make it possible to assume that these differences in verbal manifestation of the subject of the text in Russian and English rhetorical academic traditions will be levelled due to integration and globalisation trends.

Keywords: pragmatic function; first person pronouns; contrastive rhetoric; academic writing; author's identity; self-reference; linguoculture